

Частный сектор и капиталистический романтизм против репрессивного архитектурного воображения: переосмысляя городское невидимое*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ: Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О. (2023). «Частный сектор»: не-городские пространства и сообщества российского города. Иркутск: Издательство «Оттиск». — 128 с. ISBN 978-5-6047697-4-4
Веретенников Д., Малышев Г., Семенов А. (2025). Круги Капрома. Екатеринбург: TATLIN. — 208 с. ISBN 978-5-00075-392-7

Федор Корандей

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра урбанистики, Тюменский государственный университет
Адрес: ул. Володарского, д. 6, г. Тюмень, 625003 Российская Федерация
E-mail: f.s.korandej@utmn.ru

Две книги, о которых хотелось бы поговорить ниже, — свидетельство происходящих в нашем обществе процессов трансформации статуса ландшафта. На первый взгляд они не слишком похожи. Первая (далее для удобства иногда обозначаемая как ЧС) — скромная университетская книжка, появившаяся на свет в результате осуществлявшегося в начале 2020-х годов исследовательского проекта, поддержанного грантом РФФИ, была опубликована в Иркутске тиражом в 300 экземпляров и доступна большинству заинтересованных коллег лишь посредством электронной копии, выложенной авторами в интернет. Вторая (далее — КК) — развитие популярнейшего интернет-проекта, в телеграм-канале которого на момент, когда писались эти строки, было 13 299 подписчиков, эксцентричный дизайнерский эксперимент, опубликованный в главном архитектурном издательстве страны и разошедшийся по полкам урбанистических отделов большинства интеллектуальных книжных магазинов¹. Эти книги привлекли мое внимание, поскольку мне показалось, что их связывает слишком многое, и было бы полезно написать о них вместе.

Составленный иркутскими социологами «Частный сектор» — очерк специфического российского явления, которое, несмотря на его масштабы (на с. 35 авторы приводят оценку, согласно которой объем частной застройки в городах-миллионниках составляет от 15 до 45% от всей застройки), не породило специальной литературы, оставаясь «не фиксируемым двойником-невидимкой <...> российского

* Обзор выполнен в рамках исследования по гранту Российского научного фонда № 25-28-00789, «Как создаются городские места: этнография современных проектировочных практик», <https://rscf.ru/project/25-28-00789/>

1. Телеграм-канал «Клизма романтизма» <https://t.me/klizmaromantizma>

города, не репрезентируемым в качестве города и не рефлекслируемым в академическом тексте» (ЧС, с. 6). Авторы книги, кстати сказать, построенной прежде всего на сибирском материале², не склонны обвинять в этом коллег, указывая, что причины «невидимости» частного сектора коренятся в гораздо более широком социально-политическом контексте, а именно — в языке власти и медиа, систематически исключаящую массовую индивидуальную застройку из понятия «городского» и формируя по отношению к ней устойчивый стигматизирующий дискурс (ЧС, с. 9). Исследователи, ссылаясь прежде всего на работы Марка Мееровича, усматривают начало истории дискурсивно исключаемого из «городского» (ЧС, с. 11) частного сектора в раннесоветском периоде (ЧС, гл. 1)³, фиксируют сложившиеся в советский период специфические для внегородского пространства внутри города практики, в том числе связанные с понятиями реципрокности и доверия (ЧС, гл. 2), описывают конвенциональные негативные репрезентации частного сектора в современном языке власти и медиа, а также в определенном смысле противостоящие им образы частного сектора в языке обычных пользователей Интернета (ЧС, гл. 3), делают выводы о том, как изменился частный сектор за постсоветское тридцатилетие, обращая внимание на такие факторы его трансформации, как «не вполне отрефлексированное городской властью» приобретение реального права частной собственности (ЧС, с. 75) и связанное с модернизацией жилища и усложнением инженерной инфраструктуры изменение хозяйственных и социальных практик (ЧС, гл. 4). К особо интересным, на мой взгляд, выводам 5 главы, описывающей частный сектор как пространство борьбы за «право на город, и в известной степени подводящей итоги всей книги, обратимся ниже.

«Круги капрома» написаны петербургскими авторами, связанными с архитектурой (кроме этого, Гавриил Малышев — антрополог, пишущий диссертацию в Европейском университете). В центре монографии — попытка определить границы явления, которое авторы несколько лет назад начали называть «капиталистическим романтизмом» (капромом), понимая под ним «период в культуре постсоциалистических стран... связанный с глубокими политическими, экономическими, социальными и идеологическими трансформациями», для которого характерны «такие художественные приемы, как ирония, стилизация, гипербола, деконструкция, использование “цитат” из традиционной архитектуры, а также принцип двойного кодирования и другие черты общемирового постмодерниз-

2. Ее основной источник — корпус из 200 интервью, собранных в Иркутске, Красноярске, Омске, Хабаровске, Томске и Биробиджане в 2007–2022 годах.

3. Заметим, что провозглашая дореволюционную Сибирь одноэтажным деревянным городом без «частного сектора» (ЧС, с. 21), авторы, может быть, и правы в строгом терминологическом смысле, однако упускают из виду, что критический дискурс, «исключающий» определенные части города из города, фиксируется задолго до Революции и является характерным для «провинциального текста» позднейимперской журналистики. Например, для сибирской прессы, с завидной регулярностью критиковавшей мещан, выпускающих скот на улицы города (см. ставший городской легендой нарратив о козах, в 1915 г. съевших на улицах Тюмени афиши о поэтическом выступлении поэта Константина Бальмонта).

ма» (КК, с. 19). Начавшись как стандартная для истории архитектуры попытка дать определение стилю, вроде барокко или неоклассицизма, книжный проект, конгениальный своему материалу, превращается в серию далеких от академической строгости эссе, под экстравагантной памфлетной формой которых продолжают сохраняться несущие, свойственные жанру особенности, каждое из которых на многочисленных примерах определяет ту или иную стилевую черту или прием капрома. В основе книги — архитектурная эрудиция авторов, которые много лет ведут телеграм-канал о постсоветской архитектуре и составили целый ряд городских гидов по капрому для 2ГИС. «Круги» в названии книги — отсылка к Данте. Подобно тройственному Вергилию, Даниил, Гавриил и Александр проводят нас кругами постсоветской «Божественной комедии», знакомя читателя как с техническими приемами — такими как игра с классическими формами (КК, гл. «Иронический ордер»), любовь к остеклению (КК, гл. «Зеркальное стекло») и камню (КК, гл. «Полированный гранит»), стремление совместить заинтересованность в историческом наследии с капитализацией участка, выражавшемся в перестройке существующих зданий с целью увеличения полезной площади (КК, гл. «Капроментирование»), так и с базовыми идеологемами капрома, такими как реваншистско-оптимистичный пассеизм (КК, гл. «Реваншизм»), европоцентризм (КК, гл. «Евроремонт»), страсть к высотному строительству и неординарности архитектурной формы (КК, гл. «Изгибационизм и фрейдизм-членинизм»). Однако чистого «искусствоведческого» определения не получается — капром оказывается слишком сложен. Так, например, как и в случае с частным сектором, дает сбой строгая хронологическая отсечка, авторы обращают внимание на то, что описанные тенденции не вписываются в отведенные ими рамки (КК, с. 204-205). Дать такое определение, по-видимому, нелегко. Как и предшествующая, хотя и не столь известная, попытка определить специфику постсоветской архитектуры (Д. Парамонова называла капром «коммерческим функционализмом»), описание тонет в экзотических подробностях и диковинной терминологии⁴. Диковинной поэтической терминологией отличалась и книга Д. Парамоновой, которая писала о постсоветских бетонных уникалах, вернакулярах, фениксах, грибах и мутантах. Однако авторы, очевидно, и не стремились к научной строгости. Жанр «Кругов капрома» — не столько искусствоведческая монография, сколько манифест градозащитного культурного сообщества.

Что дальше? «Давно замечено, когда вещи понимаются, они становятся ближе. Наверное, в этом и состоит самопроизвольно возникшая миссия нашего проекта: едва ли в наших силах заставить кого-то полюбить капроантизм, но мы определенно

4. Парамонова Д. (2013). Грибы, мутанты и другие: архитектура эры Лужкова. М.: Стрелка Пресс, 2013. В отличие от «Кругов капрома», одной из самых замечательных глав которой является огромная глава о региональном капроме, включающая в себя Чечню, Чукотку и Мордовию. Масштаб же «Грибов и мутантов» — исключительно московский. В этом смысле книга Парамоновой напоминает петербургский путеводитель тех же авторов, выпущенный несколькими годами ранее. См.: *Веретенников Д., Малышев Г., Семенов А.* (2022). Клизма романтизма. Путеводитель по постсоветской архитектуре Петербурга. М.: АСТ.

можем попросить поменьше его ненавидеть... Если посмотреть на проект “Клизма романтизма” как на исследовательскую и перформативную программу, то ее основной целью было и остается то, что принято называть градозащитой... мы пытаемся развивать тезис об априорной ценности наследия...», — пишет Даниил Веретенников (КК, с. 202–203). «Отсутствие... “частного сектора” в академическом фокусе закрепляет представление о нем как о пустом пространстве в городской черте, не наполненном людьми и смыслами, своего рода *terra incognita*, подлежащей освоению, но не осмыслению... Эта книга — ...приглашение к дискуссии, на продолжение которой мы искренне надеемся», — вторят ему авторы «Частного сектора» (ЧС, с. 9, 18). В этом, на мой взгляд, заключается главное сходство между двумя обсуждаемыми книгами — и та, и другая побуждает читателя приостановить «естественное восприятие» повседневного культурного ландшафта, обратить, возможно, впервые, внимание на то, что всегда было рядом, но почему-то не бросалось в глаза.

Приостановка «естественного восприятия», которая приводит к одному из вариантов того, что было названо в начале этого текста переоценкой статуса ландшафта, — в данном случае к «открытию» социальной наукой и обществом одной из повседневных до неразличимости форм культурного ландшафта — постоянно происходящий процесс. Возможно, началом современного этапа его истории является «открытие» в 1950–1960-х годах вернакулярного ландшафта как такового, в результате чего, например, начал восприниматься в качестве важнейшего для американцев культурного ландшафта ландшафт придорожной сферы услуг и развлечений⁵. Российскими примерами недавнего прошлого можно считать «открытие» дачного ландшафта (пик публикаций в области российского «дачеведения» пришелся на середину 2010-х годов)⁶ или описанный Игорем Стасем в недавнем

5. Этапом в «открытии» «непроектируемой» архитектуры, возводящейся непрофессионалами на основе местных традиций и личного опыта, которая систематически оставалась историками и критиками в тени репрезентаций высокой архитектуры, стала нью-йоркская выставка 1964 года и ее каталог: *Rudofsky B.* (1964). *Architecture without Architects: A Short Introduction to Non-Pedigreed Architecture*. New York: The Museum of Modern Art. Американская традиция исследования вернакулярной архитектуры и культурного ландшафта быстро пришла к пониманию того, что вернакулярной по своей природе является не только «этнографическая» застройка, характерная для традиционных обществ, но и современные массовые сооружения из бетона. Среди текстов, которые сыграли важную роль в признании ландшафта, окружающего хайвеи, достойным любви американцев, — эссе Дж. Б. Джексона «Дома, привлекающие внимание других» (1956–1957) и переведенная на русский монография «Уроки Лас-Вегаса» (1972). См.: *Jackson J.B.* (1997). *Other-directed houses* // *Jackson J.B.* *Landscape in sight: looking at America*. New Haven and London: Yale University Press. P. 185–197; *Вентури Р., Скотт-Браун Д., Айзенур С.* (2023). *Уроки Лас-Вегаса. Забытый символизм архитектурной формы*. М.: Ад Маргинем. На постсоветском материале см.: *Иванов А.* (2023). *Архитектура без архитектора. Вернакулярные районы городов мира*. М.: Слово/Slovo.

6. *Lovell S.* (2003). *Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000*. Ithaca (N.Y.): Cornell University Press; *Каганский В.Л.* (2004). *Дачный бум* // *Русский журнал*. 06.07.2004. <http://old.forest.ru/rus/bulletin/26/4.html>; *Caldwell M.L.* (2010). *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley: University of California Press; *Малинова-Тзиафета О.* (2013). *Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914)*. СПб.: Европейский университет; *Трейвиш А.И.* (2014). «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // *Известия РАН. Серия «География»*. № 4. С. 22–32; *Нефёдова Т.Г.* (2015). *Российские дачи в разном масштабе простран-*

обзоре поворот общественности и социальной науки к авангарду, включающий в себя интерес к конструктивистской архитектуре и осмысление такой, еще недавно не вполне заметной неподготовленному взгляду формы застройки, как соцгород⁷. В контексте этой рецензии для меня важны следующие, сделанные в статье И.Н. Стася выводы. Во-первых, общественный (у Стася — креативный) и академический дискурсы, связанные с переоценкой статуса ландшафта, оказывают друг на друга взаимное влияние, что в своей совокупности в конечном счете приводит к тому, что «невидимые» доселе образы культурного ландшафта становятся объектом пристального позитивного общественного внимания. Летом 2025 года автор этих строк как докладчик, рассказывавший об академическом исследовании, проведенном в одном из СНТ на Южном Урале, принял участие в многолюдном и далеком от академического формата фестивале в Переделкине, посвященном дачам и связанной с ними ностальгии⁸. Второй вывод, следующий из статьи Игоря Николаевича, — общественный (читай: популярный, а точнее, популяризирующий) дискурс склонен, может или, скорее, даже должен существенно упрощать описываемую реальность. Работая в этом «активистски-ориентированном»⁹ ключе, авторы, даже если они являются добросовестными и увлеченными исследователями (в случае обеих обсуждаемых книг в этом сомневаться не приходится), с необходимостью вовлекаются в дискурс, который призван скорее донести до читателя основную идею, нежели вдаваться в подробности.

Это важно, разумеется, прежде всего потому, что авторам приходится преодолевать стереотипные представления, свойственные как широкой публике, так и профессионалам. В этом смысле ценным содержанием обеих книг являются размышления по поводу механизмов возникновения того, что в книге голландского антрополога М. ван дер Хорн называлось «нежелаемыми зданиями» (*undesired buildings*), — т. е. парадоксальных архитектурных объектов, которые продолжают существовать, несмотря на сложившееся к ним негативное отношение. В шестой главе книги ван дер Хорна описан очень напоминающий оба вышеприведенных примера случай берлинских панельных домов советской эпохи (*Plattenbauten*). После описания стигматизировавших эти дома дискурсов, носителями которых становятся те, для кого они являются напоминанием о неприятном прошлом, ван дер Хорн обращается к дискурсу молодых квартиросъемщиков, которые осуществляют

ства и времени // Демоскоп Weekly. № 657–658; *Аверкиева К.В. и др.* (2016). Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М.: Новый хронограф.

7. *Стась И.Н.* (2025). Что такое соцгород? Очарование архитектурой конструктивизма и российская историография социалистического города // Социологическое обозрение. Т. 24(3). С. 231–265. См.: *Бузров К.Д.* (2018). Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; *Пискунова Л.П., Старостова Л.Э., Янков И.В., Сучков Н.Е.* (2019). Конструктивистские городки Свердловска 1920–1930-е гг. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый; *Коньшиева Е.В.* (2024). Челябинский тракторный завод и соцгород ЧТЗ. Екатеринбург: TATLIN.

8. «Самый обычный день на даче» (Дом творчества в Переделкине, 23–24 августа 2025 г.). <https://pro-peredelkino.org/den-na-dache>

9. *AlSayyad N.* (2006). Foreword // *Vernacular Architecture in the Twenty-First Century* / Ed. by L. Asquith, M. Vellinga. London, New York: Taylor & Francis. P. xviii.

что-то вроде «культурной джентрификации», очищения этой недвижимости от негативных смыслов, связанных с предыдущими владельцами¹⁰.

И «Частный сектор», и «Круги капрома» до известной степени занимаются такой же культурной джентрификацией, попутно рефлексировав над природой порождающего ее репрессивного архитектурного воображения, решающего, какой архитектуре можно, а какой нельзя продолжать оставаться на городских улицах. Замечательная глава 5 «Частного сектора» посвящена характерному приему этой борьбы за «право на город». Ее иконическим воплощением стал типичный контрастный вид позднесоветского и постсоветского города — темные избушки частного сектора на фоне сияющей белизны новых многоэтажек. Авторы «Частного сектора» раскрывают стоящий за ним механизм терминологического и юридического исключения. «Фактически “частный сектор” стал пространственной метафорой анахронизма, закрепленной в советском идеологическом языке» (ЧС, с. 93). Мощным маркером анахронизма, позволяющего при желании исключить элемент застройки из времени, в котором живет «настоящий» город, является внешний вид здания. Как элемент «языка архитектуры», сообщающий наблюдателю способность считывать связанные со зданием социальные смыслы, внешний вид позволяет заинтересованным городским «стратегам» «аргументировать необходимость редактирования или уничтожения целых кварталов» (ЧС, с. 94–96). Сопоставляющий «выпавший из времени» частный сектор с красивой новой застройкой визуальный контраст, отмечают авторы, стал главным орудием городских «интересантов» прежде всего в постсоветскую эпоху. «Ключевым признаком анахронизма, выпадения за рамки “советского” города являлись частные участки, огородничество, держание скота, торговля тем, что удалось вырастить. Новый критерий визуального контраста практически до бесконечности расширяет понятие пространственной маргиналии» (ЧС, с. 100–101). Вместе с тем все относительно — представления о нормативном городском быстро меняются и спустя несколько десятилетий «пространственной маргиналией» в свою очередь могут стать «элитные» жилые комплексы, растущие сегодня на руинах индивидуальной жилой застройки (ЧС, с. 101).

Если основная критика авторов «Частного сектора» сосредоточена на дискурсивном языке «исключения», свойственном крупным специализированным игрокам — власти, девелопмента и городских медиа, то авторы «Кругов капрома» напоминают, что эта история носит гораздо более тотальный характер, и субъектами репрессивного архитектурного воображения является каждый пользователь сети Интернет, хотя бы раз высказавшийся по поводу дома, который его бесит. Материал книги, хотя и не исследующей специально этот вопрос, сотни раз отсылает к бурной полемике, сопровождавшей рождение множества из представленных в ней объектов. Негативная реакция общественности, заканчивающаяся попаданием в списки «самых уродливых зданий России» (КК, с. 19) и «диссонирующих объектов»

10. Van der Hoorn M. (2009). *Indispensable Eyesores: An Anthropology of Undesired Buildings*. New York: Berghahn. P. 116.

Санкт-Петербурга¹¹, — такой же элемент ироничной и свободолюбивой поэтики постсоветской архитектуры, как невообразимые изгибы, стаканообразные формы, синие стекла и прочие «архитектурные излишества». «Метаиронические» авторы книги, остраивающие эту странную архитектуру, разумеется, не склонны к конфронтации, но апеллируют к пониманию обеих сторон и к взаимному консенсусу, который позволит обрести новые смыслы. «Понять — значит полюбить» — девиз, который мы обращаем к «стремным» зданиям, можно направить и на плюющихся в их адрес...» (КК, с. 205). Вместе с тем все же это повод для каждого из нас, «обычных» жителей города, задуматься о своей агентности — высказываемые нами «непрофессиональные» представления о городской среде совсем не безобидный дискурс. Определить, где кончаются «хорошие» горожане, выступающие против новшеств, «уродующих» город, и начинаются «плохие», которые любят огораживать заборами свои владения в частном секторе, — не так-то просто. В конечном счете, казалось бы, далеко не схожие темы обеих книг соединяются в одном из пронизательных замечаний «Кругов капрома», отсылающих к вернакулярной, восходящей к частному сектору, природе экстравагантных домов богачей девяностых: «Постмодернизм родился на дачах и садоводствах» (КК, с. 158).

Сказанное выше заманчиво интерпретировать в духе классических теорий, трактовавших социальное невидимое. К примеру, можно поиграть в психоанализ, и усмотреть и в частном секторе, и в капиталистическом романтизме воплощение скрытых, подавленных социальных потребностей. Авторы обеих книг пишут об этом. Смотрите замечательный третий раздел третьей главы «Частного сектора», в котором на материале исследования трендов интернет-поиска говорится о том, что россияне как таковые, в отличие от представителей власти и журналистов, видят в нем не только важное, приятное для души и тела, рекреационное пространство, но и особый вариант «правильного» города, позволяющий воплотить в реальность парадоксальное желание современного горожанина жить за городом, оставаясь в городе (ЧС, с. 72–73). Интерпретация капиталистического романтизма как периода подлинной свободы архитектурного самовыражения, который противопоставляется в этом качестве более строгим в этом отношении советскому и современному периодам, — фактически лейтмотив «Кругов капрома». «Вообще, постсоветская архитектура... раскрывается в положительном свете. Все меньше видим мы в ней китча, треша и безвкусицы. Все больше — жажды индивидуализма, искренней романтики и опьянения непредвиденно свалившейся свободой» (КК, с. 22).

Другая социальная теория, которая приходит на ум, когда читаешь обе книги, — критический лефевровский неомарксизм с элементами фукианства, который в качестве имплицитного мейнстрима современной урбанистики очевидно повлиял на обе группы авторов. Наверное, к этой теоретической области относится большинство упомянутых выше концептуализирующих метафор, таких как «культурная джентрификация», «репрессивное архитектурное воображение»

11. Веретенников Д., Малышев Г., Семенов А. (2022). Клизма романтизма. Путеводитель по постсоветской архитектуре Петербурга... С. 5.

и «дискурс исключения». Ключевой тезис «Частного сектора» об исключении «неудобного» частного сектора из доминирующего «позитивного» дискурса власти близок центральной идее лефевровского «Производства пространства». В то время как городские власти в инструментальных политических целях (ЧС, с. 14-15) творят конвенциональные городские «репрезентации пространства», масса людей и домов продолжают жить в неартикулируемых и наполненных особым опытом «пространствах репрезентации». Подобным же образом составленная Гавриилом Малышевым глава «Кругов капрома», посвященная региональному изводу этого феномена (КК, с. 116-171), исходит из тезиса о том, что именно обретение автономии, характерное в постсоветский период для множества регионов, породило специфические региональные каноны, архитектурные репрезентации городов. «В республиках национальный миф пришел на смену идее строительства коммунизма» (КК, с. 164).

Поскольку автору этих строк ближе феноменологическая оптика, хотелось бы завершить этот текст в соответствующих терминах. Как кажется, именно сильный феноменологический компонент обеих книг может быть упущен, если прочесть их только с позиций активистской и академической критики доминирующих репрезентаций и социальных акторов, вовлеченных в их производство. Феноменология в конечном счете обращается к потребностям человека, предшествующим социальному действию. Дискурсы о домах, которым посвящены обе книги, отсылают к базовой идее (пост)феноменологической антропологии архитектуры, выраженной в концепциях «жительства» (*Wohnen*) Мартина Хайдеггера и «позиции жительства» (*dwelling perspective*) Тима Ингольда¹². Согласно этой традиции, дом — фундаментальная составляющая человеческого бытия, которую следует воспринимать как процесс непрерывного экзистенциально-практического взаимодействия человека со средой. «Архитектура — это предметы, из которых состоит обустройство нашего жизненного мира»¹³, и эти предметы становятся домами в подлинном смысле, когда наполняются для нас эмоциями, смыслом и возможностью к действию. Именно в этом, я полагаю, заключается главное двух этих замечательных «активистски-ориентированных» книжек, посвященных «невидимым» культурным ландшафтам. «Открывая» хорошо известную повседневную застройку, авторы, вступая в сложный диалог со стигматизирующими ее стереотипами, фактически превращают городскую «безместность»¹⁴ как среду, утратившую для нас смысловое, эмоциональное, а значит, и опытное содержание, в «места», которые обладают всеми этими качествами. «Ибо не спущенный свыше закон дарует (архитектуре. — Ф.К.) ценность, а в муках и радостях рождается она, зреет, обретает новые смыслы по воле и разумению человека...» (КК, с. 207).

12. Хайдеггер М. (2020). Строительство, жительство, мышление / Пер. Д.А. Колесниковой // *Journal of Frontier Studies*. № 1. С. 159-173; Ingold T. (1995). *Building, dwelling, living: How animals and people make themselves at home in the world // Shifting Contexts. Transformations in Anthropological Knowledge / Ed. by M. Strathern. London, New York: Routledge. P. 57-80.*

13. Степанов А.В. (2022). Феноменология архитектуры Петербурга. СПб.: Арка. С. 26.

14. Relph E. (1976). *Place and Placelessness*. London: Pion Limited.

“Private Sector” and “Capitalist Romanticism” vs. Oppressive Architectural Attitude: Rethinking the Urban Invisible

Review of the books: Grigorichev K.V., Djatlov V.I., Timoshkin D.O. (2023) «*Chastnyi sektor*»: *non-urban spaces and communities of the Russian city*. Irkutsk: Izdatel'stvo «Ottisk». — 128 p. ISBN 978-5-6047697-4-4.

Veretennikov D., Malyshev G., Semenov A. (2025) *Circles of cap(italist) rom(anticism)*. Ekaterinburg: TATLIN.— 208 p. ISBN 978-5-00075-392-7.

Fedor Korandei

Senior Researcher, Center for Urban Studies, Tyumen State University.

Address: Volodarskogo St., 6, Tyumen, 625003 Russian Federation

E-mail: f.s.korandej@utmn.ru